

Повесть о славном князе Владимире Киевском — эпизод 1 из 2

Во время неверия Владимир имел множество жен, между которыми была у него болгарыня, именем Милолика, чрезвычайной красоты, как то можно усмотреть из описания о сей, ибо имела она очи соколы, брови соболя, походку павлиную, грудь лебединую, и прочая. Довольно, что не было ее краше во всю землю Русскую, во всю колесницу поднебесную, и следственно, возлюбленнее для своего супруга. Она взята была в плен близ столичного города отечества своего Боогорда волжскими разбойниками во время прогуливания с своими мамками, няньками и сенными девушками и для великой красоты доставлена к Владимиру, который с первого взгляда столь заражен стал прелестями ее, что предпочел ее всем женам своим и свободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде, чем и приобрел сердце гордой сей красавицы. Дни текли в совершенной радости; прешедшие победы принесли богатства; мир умножал изобилие; подданные любили своего государя, и сей обращал к ним все рачение и милость, ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовью. С сего обстоятельства начинается повесть.

Седящу Владимиру со своею княгинею Милоликою, со своими боярами, в своих теремах златоверхних, за столами дубовыми, за скатертьми браными, за яствами сахарными, понеже день тот был торжеством в воспоминание славной победы над греками. Внезапно слышан стал глас рога ратного. Великий князь прикручинился, сложил свои руки ко белым грудям и думал крепку думушку. От сего бояре приуныли все, буйны головы повесили. Один лишь Святорад, воевода Киевский, не уныв сидел; он встает, поднимается из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного; он подходит к князю Владимиру, преклоняет чело до полу и говорит бодрым голосом:

-- Ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить-рубить, прикажи слово вымолвити! Отчего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Будет и пришла чудь поганая под твой славный Киев-град, разве нет у тебя рати сильныя? Прикажи, государь, послать опровердати, кто смеет наступать на землю Русскую?

На сие отвечивал ему великий князь с улыбкою:

-- Благодарю тебя за твое о мне усердие. Я запечалился не от ужаса: побивал я войски сильные, разорял я грады крепкие, не один царь пал от рук моих, мне война уж принаскучила, мне жаль вас, моих подданных; я хотел прожить с вами мирный век, не хотел я лить крови человеческой; но когда так учинилось, пошлите опровердати двух сильных витязей, кто смеет стать перед Киевом? Кто смеет трубить ко Владимиру? На бой ли он зовет или тешится? Святорад поклоняется, выходит из терема златоверхого на красное крыльцо, призывает из дворца государева славных витязей, выбирает двоих, кои по сердцу, посылает их сказать слово княжее. Славные витязи надевают сбрую ратную, садятся на добрых коней, выезжают во чисто поле. Там не видят они силы ратная, ни войска великого, только видят один бел шатер. Подъезжают к тому белу шатру, видят коня богатырского, роста необъятного; конь, завидя их, перестал есть пшеницу белу ярую, учил бить копытом во сыру землю, провещал человеческим голосом: "Встань, пробудись, сильный могучий богатырь Тугарин Змеевич! К тебе идут послы из города Киева!"

-- Ты гой еси, добрый удалый молодец! Скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отчеству? Царь ли ты или царевич? Король или королевич? Или из иных земель грозен посол? Или сильный могучий богатырь? Или ты поленица удалая? Прислал нас к тебе Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич, велел опровердати, кто смел так стать перед Киевом? Кто мог трубить пред Владимиром? Служить ли ты пришел князю нашему? Или с его витязьми переведаться? Будет ты служить пришел, ино не честь богатырская стать на лугах княженицких неспроста. Довлело б тебе обослатися, поклонитися. Будет же пришел испытать могуча плеча, уноси ты скорей буйну голову свою -- не смогчи тебе на Русь славную! Не в твою пору богатыри сильные погибали здесь перед Киевом; клевали их тела черны вороны; таскали кости их серы волки. Хоть убьешь ты здесь богатыря русского, ино есть вместо его тысяча, а за тысячью и сметы нет.

Исполин рассердился от таковых угроз: глаза его засверкали пламенем, он запыхтел, как мех кузнечный, и из ноздрей его посыпались искры огненные. Воскричал он громким голосом, словно как вдали Перун гремит:

-- Ой вы, глупые ребяташки неразумные! Посверчу я вам буйны головы от могучих плеч!